Дмитрий МИНЧЕНОК

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ГОЛОС

Почти цирковой номер: интервью по телефону с Людмилой Максаковой

Я позвонил Людмиле Васильевне по телефону. Мы с ней третий день общались как заговорщики. Было очень много вопросов и тем. В телефоне постоянно что-то булькало и переливалось, как будто в провода налили воду. Еще по Москве заходили массируемые слухи, что нас всех стали безбожно прослушивать. Это, конечно, их дело, но не очень приятно.

Так мы и говорили. Вдвоем плюс полковник Иванов - с третьей стороны провода. В общем, все как раньше.

- Добрый день Людмила Васильевна! Поговорим?

- Я думала, ты со мной про цирк, про Никулина будешь, а ты про проволоку.

- Ну, какая проволока, по проволоке тоже люди ходят.

- Ну это я поняла, я другого понять не могу и никогда не могла, почему так происходит...

- Что?

- Почему за то, что ты ударишь ракеткой по мячику, тебе платят сумму с тремя нулями, а когда ты играешь Гамлета - сто долларов. Почему? Почему, когда человек рискует жизнью, ходя по проволоке на высоте, - не знаю какой - сумасшедшей, и рискует жизнью, его, условно говоря, за человека не считают, фамилию запомнить не могут, а когда он физкультурой занимается и по мячику ракеткой бьет в кадре - сумасшедшие деньги платят. Ты вот это мне объясни! То есть я хочу сказать, что у нас к искусству очень странно относятся, и к цирку в частности - государственные мужи.

- Может быть, такое отношение - тоже составная часть цирка, только в жизни.

- Знаешь, чем цирк от театра отличается, - там, в цирке, все строже, все по гамбургскому счету - каждый раз. В театре ведь можно пропустить реплику, спрятаться з\$ партнера, а в цирке ты за партнера не спрячешься, не сможешь ничего пропустить; если ты там булавку какую-то не поймал, т\$ ты обязан повторить номер и все-таки поймать ее, и никаких поблажек.

- Но вы-то с цирком когда сталкивались?

- Как когда? Мы с Никулиным были в очень теплых отношениях. Мы познакомились давным-давно, еще на «Мосфильме» сидели на соседних лавочках - он в одном фильме должен был играть, я в другом. Лавочку эту никогда не забуду. Знаешь, он был ЧЕЛОВЕК с БОЛЬШОЙ БУКВЫ. Ты что газнокосилку какую-то включил - так шумит.

- Это диктофон.

- Ах диктофон... Одна техника нынче, а

толку - ничего человеческого не осталось. Вот Никулин - это был ЧЕЛОВЕК. Ну что ты можешь сказать о человеке, если у него на машине вместо номера было написано НИКУЛИН!

- Ни-ку-лин? Это байка?

- Байка? Почему?

- Думаю, что байка.

- А если и байка, то знаешь, она очень много о человеке говорит. Он был гениальный. Я тебе уже про большую букву все сказала, и то, что он делал, - это больше никто повторить не мог. Просто в жизни делал, как смотрел, как ходил, как улыбался, этого же нельзя сочинить. Знаешь, когда человек кончается? Когда он чваниться начинает. У Никулина все было - и власть как у руководителя, но он никогда чванливым не был. Я однажды ему позвонила, мои друзья из Риги приехали и попросились в цирк... Я ему позвонила, наступая себе на все, на что можно было наступить, и сказала - надо, друзья, два места. Он пообещал. Проходит где-то год, мы с ним встречаемся, он говорит: «Людя, сколько у тебя друзей?» - «А что такое?» - «Твои друзья весь год ходят и ходят в эту ложу». Я говорю: «Так я только за двоих попросила». - «А ходят весь год. Представляешь!»

- Ха-ха-ха.

- Вот тебе и «ха». Потому что человек был. Он был, как и Андрей Миронов, - смех вокруг него рождался сам по себе, он не запомнил анекдоты, они сами в нем рождались - это, по-моему, самый величайший признак счастливого человека. Он же не манифесты коммунистической партии собирал, он собирал анекдоты - это же что-то говорит о нем как о человеке. Такого собрания, как у него, больше ни у кого не было, в голове, не в голове, на бумаге - это не важно. У него собака умерла - ризеншнауцер, и я ему пообещала подарить точно такого же. Ну, знаешь, там из Германии, еще откуда-то, с медалями. И пока я ему его доставала, везла, он нового успел себе приобрести. Но я ему все-таки привезла и подарила, мы с ним на этой почве очень сдружились. Супруга его Татьяна очень собачек любила.

- И как, ели из одной миски, да?

- Ну да, спали на ковриках... Шутить, да? Но то, что хозяйка собак самыми лучшими друзьями становятся, - это правда. Но я не об этом. Я начала с тобой разговаривать о том, что в цирке нельзя быть нечестным. Там не за кого спрятаться, ни за партнера, ни за униформиста, там ты либо падаешь, либо делаешь гениальный трюк. Мы когда делали в театре «Великую Магию» Эдуарде де Филиппе, то с Этушем ходили в цирк. Нам надо было выучить какой-то фокус. Знаешь, мне больше всего понравился с карманами: женщина опускает руки в перчатках в карманы, вытаскивает их, а перчатки другого цвета. Потрясающий номер. Я после этого цирк для себя по-новому сформулировала - это искусство невозможного. И полюбила. Знаешь, раньше ведь цирк был очень странный. Там показывали всевозможные уродства, чудачества: карликов, великанов, а потом пришло искусство, театральность, вот как с этими перчатками. Чудо, и за это мы его любим. А публика - она же очень специфическая, она иной раз этого артиста по фамилии выучить не может, он перед ней голову готов на плаху положить: один неверный шаг - и упал, разбился, гипс, как Никулин говорил, а то и хуже - как у Высоцкого в песне, а публика даже фамилию его выучить не может. Вот что артисту самое обидное. Ах, котик, ну что же я тебе это говорить буду, ты сам это все помнишь.

- А клоунада?

- Что клоунада?

- Гротеск в цирке откуда? Разве этому научить можно?

- Знаешь, гротеск в природе артиста нельзя воспитать, либо он есть, либо его нет. Никулин тоже не был выдуманным клоуном, он был от Бога, в нем прежде всего человеческие качества были - из этого все развивалось, из этого.... Если ты сам внутри человек - неглубокий, то и шутки твои будут неглубокие. Ну вот сам посуди: откуда берется у человека оригинальность? Из жизни, из уклада.

Я тебе хочу сказать очень простую истину-цирк, он один из немногих развивается, но не растет. Вспомни, что я говорила про карлов, про чудовищ, которых там раньше показывали. В цирк пришла традиция, которая в цирке не умирает, знаешь, театр меняется, а цирк медленнее. Там, как и сто лет назад, этот фокус работает и потрясает. Ну, хоть с этими же перчатками. Ты опускаешь руки в карманы, вынимаешь - а у тебя перчатки другого цвета.